

ВЛИЯНИЕ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО ТЕРРОРИЗМА НА БЕЗОПАСНОСТЬ В РОССИИ*

Леонид Маркович Исаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Марат Бахтиярович Айсин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Алиса Романовна Шишкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН.

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Эта статья рассматривает влияние роста террористической активности на Ближнем Востоке после Арабской весны на увеличение террористической угрозы в других частях мира. С использованием количественных методов продемонстрировано, что действительно в период после Арабской весны около 70 % всех зафиксированных в мире терактов происходило в афразийской макроне нестабильности, которая превратилась в бесспорный глобальный центр террористической активности. Показано, что именно со стремительным ростом террористической активности в афразийской макроне можно весьма ощутимо связать рост террористической активности после 2013 г. в США, Западной Европе, Турции и России. Анализ показывает, что «Исламское государство» (ИГ)¹ и его аффилированные структуры выступали в качестве основного агента экспорта терроризма в эти страны и регионы. Проанализировано увеличение террористической активности в России после 2015 г. под влиянием деятельности ИГ. Предложены рекомендации по конкретному противодействию террористической угрозе, исходящей из афразийской макроне нестабильности.

* Исследование выполнено в рамках при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

¹ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

Введение

Центральным элементом афразийской макрзоны нестабильности², которая сегодня охватывает значительную часть исламского мира и прилегающих регионов, является Ближний Восток. Но в результате событий Арабской весны комплекс проблем, начавшихся в этом регионе, значительно усложнился (см., например: Гринин 2020). Если арабо-израильский конфликт, один из самых затянутых в мире, постепенно сузился до преимущественно палестино-израильского и, таким образом, стал в определенной степени предсказуемым, то после серии революций и антиправительственных протестов (многие из которых ставят государства на грань существования) общая конфликтогенность региона значительно возросла. Согласно *индексу слабости государств (Fragile State Index)*, определяющему способность государств обеспечить безопасность и благополучие своих граждан, многие государства афразийской зоны нестабильности, и особенно Ближнего Востока, имели наихудшие показатели за 2010-е гг. За последнее десятилетие наиболее быстрый рост слабости государств был зафиксирован в Йемене, Сирии, Мали и Ливии (Messner 2019).

Есть несколько очагов конфликта. Один из наиболее значительных в настоящее время находится в Сирии и распространился на Ирак, хотя он несколько успокоился после длительного гражданского конфликта, начавшегося в результате военной операции НАТО. Обе страны в течение длительного периода были территориально и институционально дезинтегрированы, и большая часть их национального пространства была охвачена гражданской войной. Конфликт приобрел характер политико-конфессионального противостояния, выходящего далеко за рамки отдельных государств. Но наибольшую угрозу стабильности в Ближневосточном регионе представляло формирование в его центре террористического «Исламского государства» (ИГ)³ – неконтролируемой, самодостаточной в финансовом, экономическом и военном отношении

² Об афразийской макрзоне нестабильности см., например: Гринин и др. 2014; Коротаяев, Исаев 2014; Коротаяев и др. 2014; 2015; Korotayev *et al.* 2016.

³ ИГ, ранее ИГИЛ – организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

организации, стремящейся к безудержной экспансии. За достаточно короткий период ИГ стало практически глобальным игроком, действующим во всем исламском мире.

Во-первых, в отличие от талибов в Афганистане или «Аль-Каиды»⁴, которые развернули свою сеть на периферии, ИГ создало трансграничное квазигосударственное образование в самом центре исламского мира. По сути, оно позиционировало себя как «глобальное государство», апеллирующее к населению всего мира, и не ограничивало масштабы своей террористической деятельности существующими государственными границами (McCants 2015). Российский востоковед Павел Шлыков пишет, что ИГ предлагал альтернативные парадигмы войны и дипломатии. ИГ не использовало свое нападение на редакцию журнала «Шарли Эбдо» в Париже в 2015 г. и последующие теракты (взрывы в Анкаре в 2015 г., массовые теракты в Париже в том же году) для предъявления ультиматумов или дипломатических требований (Шлыков 2016). Вместо этого они предложили миру свою цивилизационную парадигму с ИГ в центре и традиционный для исламской политической мысли образ периферии в виде «*Дар Ал-Харба*», выступающего против «*Дар Ал-Ислама*» (Вайс, Хасан 2016).

Во-вторых, ряд исламских организаций в Азии, Северной Африке и странах Африки к югу от Сахары довольно быстро принесли ему клятву верности. В феврале 2016 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что 34 группы во всем мире принесли присягу на верность ИГ (Доклад ООН 2016). Расширение сферы влияния ИГ в Западной и Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Южной и Юго-Восточной Азии лишь подчеркивало ту скорость и масштабы, с которыми всего за 18 месяцев обострилась серьезность этой угрозы. Относительная сложность нападений со стороны ИГ, а также уровень планирования, координации и изощренности вызвали серьезные опасения в отношении дальнейшего развития ситуации (Там же). В то же время миссия ООН в Ираке сообщила, что сумма наличных средств, изъятых из банков в провинциях, контролируемых ИГ, составила 1 млрд долларов США, а налоги на грузовики, въезжающие на территорию ИГ, ежегодно приносят еще

⁴ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

1 млрд долларов. Еще 500 млн долларов принесли нефть и нефтепродукты (Там же).

В-третьих, связь с исламской диаспорой, в том числе с неопитами из числа местных жителей Европы, Северной Америки и стран бывшего СССР, включая Россию, дала ИГ большие возможности для террористической деятельности во всем мире, возможно, более широкие, чем те, которые были доступны террористическим сетям в предыдущие десятилетия.

Факторы усиления террористической активности на Ближнем Востоке

В апреле 2013 г. на сирийском театре военных действий появились боевики действовавшей до этого в основном в иракской провинции Ал-Анбар и осуществлявшей террористические акты практически на всей территории Ирака организации под названием «Исламское государство Ирака» (ИГИ). Ранее интересы ИГИ в Сирии представлял фронт «Ан-Нусра»⁵, являвшийся филиалом этой группировки, но 8 апреля 2013 г. ИГИ официально объявило о включении Сирии в свою сферу действий и соответственно о своем переименовании в «Исламское государство Ирака и Леванта»⁶ (ISI Confirms 2013). Таким образом, эта организация была создана на базе «Исламского государства Ирака» (иракского отделения «Аль-Каиды»), активно действовавшего в течение десятилетия. Теперь же она заявила о себе как структура, не только несущая прямую угрозу существованию уже двух национальных государств и готовая снести с «игровой доски» иракско-сирийской конфликтной дуги все иные фигуры, включая оппозиционные группировки всех оттенков спектра, но и запустить свои метастазы в иные регионы планеты.

«Исламское государство». Причины взлета и успехов ИГИЛ лежат в дезинтеграции ближневосточных государств и усилении в результате возникшей анархии влияния идей радикального исламизма, воплощенного в идеологии салафитского джихадизма, ко-

⁵ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

⁶ В арабском оригинале – *ад-Даула ал-исламийя фи-л-Ирак ва-ш-Шам*. Отметим, что последнее слово (*аш-Шам*) имеет в арабском языке два значения. Оно может обозначать и собственно Сирию, и более широкий регион, включающий в себя еще и Ливан с Палестиной (то есть Левант).

торый явился своеобразным ответом на экспансионистскую политику США и их союзников на Ближнем Востоке, особенно после американского вторжения в Ирак.

Как пишет Э. Йылдызоглу (2014), ИГИЛ сформировалось как результат двух векторов, порожденных фиаско экспансионистской политики США. Первый из них – шиито-суннитский конфликт, всплывший в тот момент, когда США оказались не в силах подавить сопротивление в Ираке (американцы не смогли совладать с религиозно-этнической враждой, вышедшей из-под контроля в силу свержения Саддама Хусейна и провокации со стороны самих Соединенных Штатов). Второй – вакуум власти и отдельные неуправляемые территории, которые стали возникать в Северной Африке, на Ближнем Востоке (в Ливии, Сирии) в результате Арабской весны.

Таким образом, история ИГИЛ начинается с американской оккупации Ирака. В 2003 г. или, по другим данным, в 2004 г. иорданец Абу Мусаб аз-Заркави учредил региональное отделение «Аль-Каиды». Эта организация представлялась в дальнейшем как «Месопотамская Аль-Каида» или «Иракская Аль-Каида». После гибели Абу Мусаб аз-Заркави в 2006 г. в результате американской бомбардировки новым эмиром движения стал Абу Омар ал-Багдади (Багдади Первый, не путать с «халифом» Абу Бакром ал-Багдади). Он и провозгласил «Исламское государство Ирака» (ИГИ). Эта организация в 2004–2010 гг. упрочила свое положение. Озан Ормеджи (2014) выделяет несколько важнейших этапов в развитии ИГИЛ.

Первым поворотным пунктом после уничтожения в ходе операции, проведенной американской армией в 2010 г., лидера организации Абу Омара ал-Багдади и его помощника Абу Хамзы ал-Мухаджира стал переход руководства организацией в руки Абу Бакра ал-Багдади. В результате его лидерства сила и численность членов организации заметно возросли. Вторым важным событием для организации стал вывод американской армии из Ирака в 2011 г. Благодаря этому ИГИ расширило сферу своих действий и за короткий период стало набирать силу среди суннитских группировок в Сирии и Ираке (превратившись в конечном счете в апреле 2013 г. в ИГИЛ). Вследствие ошибочной политики правительства Нури ал-Малики в Ираке ИГИЛ удалось привлечь на свою сторону часть

суннитской общины этой страны. ИГИЛ также заручилось безусловной поддержкой более мелких боевых группировок, таких как «Джейш ал-Фатихин», «Джейш ат-Та'ифа ал-Мансура», «Ката'иб Ансар ат-Таухид ва-с-Сунна» и «Джунд ас-Сахаба» (Ормеджи 2014).

Третьим значимым для организации поворотным пунктом стала гражданская война в Сирии. «Исламское государство Ирака и Леванта» появилось на сирийском театре боевых действий в 2013 г., хотя отдельные отряды ИГИ действовали и ранее. Оно взяло под свой контроль значительную часть районов Сирии, занятых до этого умеренной сирийской оппозицией, а также фронтом «Ан-Нусра».

Появление ИГИЛ в Сирии стало результатом конфликта между его руководством и командованием фронта «Ан-Нусра», состоящего из сирийских и международных джихадистов. В речи, опубликованной 8 апреля 2013 г. официальным изданием ИГИЛ *al-Furqan Media*, Багдади назвал главаря «Ан-Нусры» Джулани «одним из наших солдат» и заявил, что Джулани создал свою организацию «из наших сыновей». Однако руководство «Ан-Нусры» отказалось восстановить свою присягу ИГИ в лице ИГИЛ и признать себя филиалом этой организации в Сирии. В итоге часть фракций «Ан-Нусры» присягнули непосредственно лидеру «Аль-Каиды» аз-Завахири, а иные подтвердили свою присягу «эмиру» ИГИЛ ал-Багдади.

Впоследствии ал-Багдади обвинил руководство «Аль-Каиды» в провоцировании конфликта и внесении раскола в ряды джихадистов и вышел из подчинения этой организации (Al-Tamimi 2016). Тогда на сирийском театре вспыхнули боестолкновения между тем крылом «Ан-Нусры», которое сохранило свою независимость, присягнув аз-Завахири, и тем, что возобновило свою присягу ал-Багдади, полностью влившись в состав ИГИЛ. На помощь последнему, а это были прежде всего фракции «Ан-Нусры», в которых доминировали иностранные боевики, в том числе из стран бывшего СССР, были направлены значительные подкрепления ИГИЛ из Ирака, которые присоединились к уже действовавшим в Сирии отрядам.

Подобное усиление позиций джихадистов в Сирии, на фоне фактического бездействия иракских властей, которые не мешали

переходу подкреплений террористов из Ирака в Сирию, позволило ИГИЛ захватить обширные территории Сирии у группировок сирийской оппозиции и фронта «Ан-Нусры».

После победоносного наступления в Ираке и Сирии ИГИЛ превратилось в ИГ («Исламское государство»), или «халифат». Несомненно, важной датой короткой истории ИГИЛ является 29 июня 2014 г., когда его лидер Абу Бакр ал-Багдади провозгласил себя халифом, а подконтрольные его движению территории Сирии и Ирака – халифатом.

Как пишет Г. Вуд (Wood 2015), до лета 2015 г. единственным изображением Абу Бакра ал-Багдади была нечеткая фотография, оставшаяся после пребывания этого человека в американской тюрьме «Кэмп-Букка» во время оккупации Ирака. И вот 5 июля 2015 г. он взошел на минбар мечети ал-Нури в Мосуле, чтобы прочитать проповедь в праздник Рамадан в качестве первого халифа за долгие годы. В тот момент повысилось качество его изображения на пленке, а также его статус, поскольку из партизана, за которым ведется охота, он превратился в «правителя мусульман». Багдади говорил на камеру всего один раз. Но его выступление, а также бесчисленные пропагандистские видеоклипы и послания ИГИЛ присутствуют в Интернете. В итоге усилился наплыв в ИГ джихадистов со всего мира, который приобрел невиданные масштабы и темпы.

Хотя ИГ не скрывает, что ведет свое происхождение от «Аль-Каиды» времен бен Ладена (об этом говорится, например, в выпущенном им подобию информационно-рекламного ролика в ноябре 2014 г.), вместе с тем, в период своей трансформации из «Иракской Аль-Каиды» в ИГИ и далее в ИГИЛ и ИГ, оно приобрело собственную идеологию и цели.

Так, «Аль-Каида» в целом следовала заложенному Бен Ладеном курсу, который предполагал, что у «истинных мусульман», к которым относились сторонники движения, нет возможности где бы то ни было провозгласить собственное исламское государство, построенное на принципах «чистого», по мнению джихадистов, ислама, так как оно сразу же будет уничтожено «сионистами и крестоносцами», которые имеют несоизмеримо большую военную мощь. Поэтому «Аль-Каида» была нацелена на подрыв ресурсов мировой системы террористической и партизанской войной, кото-

рая должна была охватить все регионы мира. И лишь после того, как мировая система ослабнет, наступит время для провозглашения «халифата».

Естественно, главным врагом и целью атак «Аль-Каиды» являлись Соединенные Штаты, от которых и зависела устойчивость мировой системы и на борьбу с которыми должны были быть брошены все силы джихадистов. Таким образом, Бен Ладен считал терроризм прологом к халифату, возникновения которого при своей жизни он не ждал. Его организация была гибкой, имела широкий географический охват и состояла из множества автономных ячеек. При этом все взятые в ходе военных действий территории, будь то в Йемене или Сомали, или иных регионах, руководство «Аль-Каиды» не стремилось превратить в устойчивые квазигосударственные образования, а лишь использовала их прежде всего как временные военные базы для ведения террористической деятельности.

Но с таким подходом не соглашались многие из местных эмиров «Аль-Каиды», которые хотели стать правителями в своих «эмиратах» со всеми атрибутами государственной власти. Впоследствии между такими «эмиратами» и руководством «Аль-Каиды» начали назревать конфликты, и это касалось не только провозглашенного «Исламского государства Ирака», но и будущих «заморских» или «дальних» (находящихся вне ирако-сирийской конфликтной дуги) вилайатов ИГИЛ, возникших в результате раскола местных структур «Аль-Каиды», например, в Йемене.

ИГИЛ, вопреки указанной концепции «Аль-Каиды», выдвинул на первый план свой «государственнический» проект – «халифат». В то же время стратегическая установка Бен Ладена о том, что главным врагом ислама являются США, была заменена на необходимость ведения в первую очередь борьбы с «правителями-отступниками» в самом исламском мире и создания на захваченной у них территории «халифата». Основная цель организации на первом этапе заключалась в создании в Ираке и Сирии, преимущественно в их северном сегменте, где большинство населения составляют арабы-сунниты, туркмены и курды, шариатского государства, основанного на салафитской трактовке ислама (Ормеджи 2014). В отличие от «Аль-Каиды» ИГИЛ для поддержания легитимности требовалась территория, а также иерархическая структура, чтобы управлять

этой территорией (его бюрократия была поделена на гражданскую и военную, а территория – на провинции) (Wood 2015). Таким образом, с самого начала своей экспансии ИГИЛ стал манипулировать «эффектом халифата», представлением о нем в воображении суннитов. Группе удалось привлечь молодое поколение, которое не было обольщено «Аль-Каидой», организацией с более сложным и элитарным дискурсом. Интерпретация необходимости утверждения «исламского правления» и чрезмерное использование пророческих историй и исламского мессианизма убедили некоторых молодых джихадистских проповедников на Ближнем Востоке также перейти в лагерь ИГИЛ.

Отметим, что методы вооруженной борьбы ИГИЛ еще более жестокие и радикальные, чем у «Аль-Каиды», включая запрещенные виды оружия и безжалостный террор. Также необходимо указать на буквальное (и потому ужасающее) возвращение к практике, которую использовали сторонники ваххабитского призыва во время своей деятельности в XVIII–XIX вв. в Аравии, включая массовые казни «вероотступников», продажу в рабство и т. д. Налицо также откровенное восхваление жестокости и кровожадности. Все это делает ИГ гораздо более опасным в сравнении с «Аль-Каидой». Д. Добров (2014) подчеркивает, что само слово «государство», или «халифат», говорит о форме общественного устройства, в которой война против «неверных» играет важную, но не единственную роль. ИГ взяло на себя функцию практической организации жизни на подконтрольных территориях и по-своему справлялось с этой задачей, хотя и варварскими, средневековыми методами.

Таким образом, в 2013 г. в рамках внутрисирийского конфликта появилась новая грозная (а главное, никем из мировых лидеров не контролируемая) сила в лице ИГИЛ. Поскольку ИГИЛ поддерживало собственную наиболее радикальную версию джихадистского салафизма, где *такфир* – обвинение в неверии своих противников из числа мусульман – был одним из его столпов, оно представляло угрозу не только для алавитов, шиитов или друзов, но и для тех суннитов, которые не придерживались его догматики и отказывались признавать провозглашенный «халифат». ИГИЛ считало таких суннитов также *муртадами* – вероотступниками, которых следует убивать как «неверных». То есть, хотя ИГИЛ и говорило от имени суннитского ислама, оно стал «третьей силой», одинаково

враждебной как алавитам, укрепившимся в Дамаске, или шиитам в Багдаде, так и собственно всем суннитским силам, будь то государства арабского мира или те суннитские группировки сирийской оппозиции или иракские племена, которые не разделяли взглядов и убеждений «халифата».

«Джебхат ан-Нусра». Еще одним элементом, способствовавшим усилению террористической активности на Ближнем Востоке стало появление в начале 2010-х гг. «Джебхат ан-Нусры» (или «Хайат Тахрир аш-Шам»). Одними из первых акций структуры часто называют только диверсии против военно-политического руководства. По некоторым подсчетам, из 50 самых резонансных нападений за 2012 г. 41 было совершено боевиками «Ан-Нусры» (Roggio 2012). Но определение инициаторов той или иной атаки – простое дело, поскольку на начальном этапе конфликта некоторые подразделения Свободной сирийской армии (ССА) использовали методы диверсионно-партизанских войн и устраивали нападения на армейские подразделения, военные учреждения и полицейские посты. Ситуация прояснилась только в середине 2012 г. во время боев за северную столицу страны – Алеппо. Тогда стало ясно, что наряду с ССА и другими сирийскими группами оппозиции, например, «Ахрар аш-Шам», сирийскому режиму противостоит также и «Ан-Нусра». При этом укрепление позиций «Ан-Нусры» было связано вовсе не с практикой диверсионных атак: фракция демонстрировала боеспособность в рамках тактики «большой войны» – отбивала у Сирийской арабской армии (САА) городские кварталы и сельские населенные пункты, что играло свою роль в условиях сражения военизированных формирований за «умы и сердца» сирийцев.

На первых порах «Ан-Нусра» характеризовалась сильной сплоченностью рядов и организованностью, в то время как в составе ССА (в том числе по причине заигрывания Дамаска с «народным исламом» для продвижения внешнеполитической повестки) были и до сих пор остаются светские и исламистские группировки: некоторые из них светские, другие ближе к «Братьям-мусульманам»⁷, третьи – к просаудовским салафитам. Часто бойцы ССА не имели необходимой подготовки, не могли создавать широких коалиций

⁷ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

и были привязаны к месту проживания и территориальному комплектованию формирований. Так, в юго-западных провинциях Дераа и Кунейтра подразделения ССА всегда занимали ведущие позиции. Учитывая разнородность взглядов внутри ССА, набиравшая мощь «Ан-Нусра» подстрекала ряд исламистских и прежде всего салафитских группировок выйти из состава ССА и пополнить ее ряды. Например, в ходе упомянутых боев за Алеппо на сторону «Ан-Нусры» перешла целая бригада ССА (Гринин и др. 2016).

В конце концов костяк ССА составила либерально-исламистская коалиция, которая на этом этапе идеологически проигрывала взявшему верх салафитскому тренду. В свою очередь, салафитские формирования хоть и не выиграли борьбу за численность бойцов, но были более мотивированы, лучше обучены и устойчивы в бою. С созданием в ноябре 2012 г. Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС) вместо Сирийского национального совета (СНС), ключевые портфели которого находились в руках умеренных исламистов от «Братьев-мусульман», внешние либеральные исламские движения окончательно потеряли свою силу. Причины успеха исламистского движения в Сирии можно найти в многочисленных промахах ССА, связанных с отсутствием четкой структуры организации, разобщенностью интересов и большого количества претендентов внешних сил на руководство оппозиционной «армией» (США, Турция и Катар, Саудовская Аравия, СНС). Также нельзя не упомянуть конфликт Катара и Саудовской Аравии: он также сильно повлиял на оппозицию, поскольку Эр-Рияд, по некоторым данным, для минимизации влияния Дохи на военную и политическую картину конфликта начал активно поддерживать группировки салафитского спектра («Джейш ал-Ислам», «Нур ад-Дин аз-Зенки»).

Набранная «Ан-Нусрой» мощь спутала карты тем политическим субъектам, которые делали ставки на ССА в качестве прокси-силы. Появление дисциплинированной структуры на сирийском театре военных действий во время боев за Алеппо, когда казалось, что падение режима Башара Асада – вопрос считанных недель, оказалось неожиданным трудным препятствием для внешних сил (США, Саудовской Аравии, Турции и Катара), стремившихся максимально ослабить сирийский режим и вынудить его пойти на уступки. Судя по составу коалиций и их действиям, можно предпо-

ложить, что к концу 2012 г. ССА должна была стать мощной военной опорой оппозиции, но к тому времени позицию локомотива оппозиционной силы заняла «Ан-Нусра». Это послужило драйвером к тому, чтобы в 2012 г. структура была причислена к террористическим организациям сначала США, а затем всеми западными странами и международным сообществом в целом (Gordon, Barnard 2012).

Салафитско-исламистский оттенок на «военное полотно» сирийских действий в то время также вносили другие движения, например, Сирийский исламский фронт (СИФ), в 2012 г. трансформировавшийся в Исламский фронт (ИФ). Во главе СИФ стоял «Харакат Ахрар аш-Шам ал-Исламийя» («Фронт свободных людей Большой Сирии»), игравший на протяжении кризиса весомую координационную роль среди «вооруженной оппозиции», а с 2017 г. и роль противостоящего «Ан-Нусре» военного образования. Еще на раннем этапе, когда «Ахрар аш-Шам» действовало в составе СИФ, оба движения начали осуществлять совместные акции против режима, при этом их представители последовательно заявляли о независимости друг от друга, что позже неоднократно подтверждалось. В своем первом интервью катарскому информационному ресурсу *Al Jazeera* лидер «Ахрар аш-Шам» Хасан Абуд, погибший во время теракта в 2014 г., говорил об «Ан-Нусре» как об одном из многих боевых формирований, имевших общую цель – свержение режима Башара Асада (Youtube 2013).

Таким образом, залогом первых успехов движения в борьбе с режимом послужила налаженная структура организации, особенности рекрутирования и его идеологическая основа.

Источником идей послужили работы Абу Мусаба ас-Сури, участника сирийских событий в Хаме 1982 г. и одного из видных идеологов «Аль-Каиды», приближенного к Усаме бен Ладену. В своих многочисленных трудах, например, в изданной еще в 1991 г. книге «Мулахазат хаула ат-таджриба ал-джихадийя фи Сурийа» (араб. «Заметки о джихадистском опыте в Сирии»), излагается главный принцип работы его организации – «*Низам ла танзым*» (араб. – «Структура, не организация»). Суть этой структуры – в более широких полномочиях и правах командования бригадами на местах ради повышения эффективности боевых действий. Подобная деиерархизация ставит цель объединение всей сети, подчинен-

ной совещательному совету, общей идеей и целью, притом что методы и тактика отдельной ячейки должны зависеть от локальной обстановки, в которой она оперирует. Исходя из этого, на первых порах рекрутирование в движение «Ан-Нусры» осуществлялось по строгим правилам, включавшим обучение идеологии и физическую подготовку. В упомянутой работе Абу Мусаба ас-Сури выделяет 18 проблем джихадистского опыта на примере событий 1982 г., его книга посвящена проблемам идеологии, малограмотности потенциальных рекрутов и отсутствия полного проекта государства, построение которого они собирались предложить сирийцам в битве «за ума и сердца» людей (ас-Сури 1991). По большому счету донесение всех этих идей имело одну общую четкую цель – формирование картины некой праведности их действий для обеспечения лояльности к ним населения, проживавшего на подконтрольных им территориях. В другой его работе «Да`ват ал-Мукавама ал-Исламийа ал-`Алямийа» (араб. «Призыв к глобальному исламскому сопротивлению») говорится о миссии джихада как о коллективном проекте *уммы* (Он же 2004).

Все изменилось для «Ан-Нусры» после ее разлада с ИГИЛ в 2013 г. В апреле 2012 г. при одностороннем решении ал-Багдади открыто объявить о том, что «Ан-Нусра» – это часть ИГИЛ, лидеру «Ан-Нусры», который за время пребывания в Сирии обрел значительную силу и влияние, пришлось четко обозначить свою позицию. С весны 2013 г. движение поставило цель укрепить свои позиции в Сирии через мобилизацию всей «вооруженной оппозиции» и возглавить ее, покинув лагерь «третьей стороны» ИГИЛ. Отсюда и последующая логика в изменении названия на «Джабхат ан-Нусра – Танзим Ка`идат ал-Джихад фи Билад аш-Шам» («Фронт помощи – организация из джихадистских ячеек в Большой Сирии»), из которого становится ясным процесс локализации «Аль-Каиды» в Сирии: с этого момента ал-Джулани ставил целью трансформировать свое движение в сирийское панисламское (в регионе Большой Сирии – аш-Шам) из мирового панисламского.

С этих пор цели ИГИЛ и «Ан-Нусры» стали кардинально отличаться. Разрыв «Ан-Нусры» с ИГИЛ привел к перераспределению баланса сил в Сирии, так как разделил и ослабил суннитскую ось радикальной и умеренной вооруженной оппозиций.

Курс ал-Джулани на отделение от дочерней организации положил начало постепенному размежеванию «Аль-Каиды» и ИГИЛ в Сирии. Хотя формальный разрыв между ними произошел достаточно рано, ИГИЛ на первых порах продолжало поставлять около 50 % финансовой поддержки «Аль-Каиде» (Lister 2016: 12). При этом «Ан-Нусра» явно осознавала проблему схожести своего «бренда» с ИГИЛ, что играло против одной из главных целей – отмежевания от «третьей стороны», мобилизации вооруженной оппозиции под своим салафитским знаменем и ее последующей трансформации. Для более четкого отмежевания себя от ИГИЛ движение ал-Джулани прибегло к помощи «Аль-Каиды», которая усилила опеку над движением в Сирии, послав туда несколько своих «бойцов старой гвардии» с опытом ведения боевых действий в «горячих точках» Центральной Азии (*Ibid.*: 13). Так, «Ан-Нусра» стала более близкой к «Аль-Каиде».

В целом рубеж 2013–2014 гг. ознаменовался трансформацией баланса конфессиональных сил в регионе в пользу режима, так как продолжавшиеся столкновения между «Ан-Нусрой» и ИГИЛ ослабляли общий потенциал салафитско-исламистских движений и вооруженной оппозиции во главе с Исламским фронтом, поэтому шиитская ось с успехом продвигалась вглубь территорий, ранее подконтрольных вооруженной оппозиции. Тем не менее «Ан-Нусра» пыталась укреплять свои позиции в северной части страны. Так, поздней осенью 2014 г. организации удалось способствовать развалу Сирийского революционного фронта, объединявшего большую часть местных светских группировок из провинции Идлиб (ARA News 2014). Этот факт позволил некоторым журналистам заявить о возникновении демоверсии эмирата «Ан-Нусры» в Идлибе (Milan 2014). Но в реальности цель была куда более прагматичной – обеспечить контроль над важнейшими участками сирийско-турецкой границы и большей частью крупного гористого района Джебель аз-Завия, располагавшегося в центре провинции (*Ibid.*). Весной 2015 г. сотрудничество «Ан-Нусры» и «Ахрар аш-Шам» вышло на новый этап на фоне образования коалиции «Армия борьбы» («Джейш ал-Фатх»).

В течение 2015 г. коалиция нанесла ряд поражений армии Башара Асада. Им удалось окончательно взять под контроль провинцию Идлиб, ключевую авиабазу Абу ад-Духур и поставить под

свой контроль районы Джиср аш-Шугур, благодаря чему был открыт путь на прибрежную провинцию Латакию, а также Хаму и Алеппо. В конце мая альянс «Джейш ал-Фатх» взял последний контролировавшийся режимом город провинции Идлиб – Ариху (BBC News 2015). Вторая половина 2015 г. продолжалась разделением основной части повстанцев на севере на коалиции «Джейш ал-Фатх» и «Фатх Халеб». В первой группе насчитывалось около 30 тыс. бойцов, примерно столько же, сколько и в крыле умеренных исламистов и ССА.

Вмешательство России в сирийский конфликт на стороне режима стало решающим фактором в укреплении последнего и сохранении власти Б. Асада, однако не стало решающим в трансформации «Ан-Нусры». Наоборот, операция российских войск наряду с политическими переговорами в Женеве и Вене придавала вес аргументам лидеров «Аль-Каиды» в совещательном органе «Ан-Нусры», которые говорили о невозможности справедливого политического урегулирования кризиса и неизбежности продолжения боевых действий как самом результативном инструменте борьбы с Дамаском (Lister 2016). Решение сохранять стойкость в свете усиления позиций режима не разделяли другие группировки. Между фракциями возник спор о дальнейших действиях: в «Ахрар аш-Шам» настаивали на том, чтобы «Ан-Нусра» разорвала связи с «Аль-Каидой», а руководство «Ан-Нусры» сопротивлялось этой идее. По сути, такой шаг для идеологии «Ан-Нусры» означал отказ от перспективы взять ситуацию под свой контроль, поскольку на этом фоне главным оппонентом сирийского режима снова становились умеренные исламистские группы.

В эксклюзивных интервью катарскому каналу *Al Jazeera* ал-Джулани неоднократно заявлял об отсутствии спонсирования со стороны иностранных государств и организаций и с уважением говорил об религиозных меньшинствах, что слабо коррелировало с имевшими место в прошлом нападениями на друзские поселения (BBC News 2015). Его целями были обозначены операции в рамках Сирии, а именно захват Дамаска и свержение режима Б. Асада, а также освобождение Голанских высот от оккупации их Израилем (Younes 2015). Вопрос, как на эти изменения в масштабе опериро-

вания группировки ответил аз-Завахири, остался открытым. Некоторые аналитики утверждали, что переименование движения в 2016 г. в «Джабхат Фатх аш-Шам» (Фронт борьбы за Сирию) не было согласовано с верховным лидером «Аль-Каиды» (Lister 2017). В апреле 2017 г. лидер «Аль-Каиды» аз-Завахири выступил с обращением ко всем бойцам Сирии, в котором он призывал вернуться на тропу борьбы, а также уточнил, что «проблема аш-Шама (Сирии) – это проблема всей *уммы*, а не только сирийцев» (аз-Завахири 2017). Таким образом, аз-Завахири призвал бойцов «Ан-Нусры» к возвращению под его командованием к изначальным целям и идеалам, чего так и не последовало.

На протяжении второго полугодия 2016 г. «Ан-Нусра» теряла своих самых опытных боевиков, которые участвовали в процессе становления движения: в сентябре в результате авианалета воздушных сил США был убит Абу Хаджер ал-Хомси, один из военных командиров движения, в октябре – Абу Фараджи ал-Масри, который участвовал в войне в Афганистане (Al-Khalidi 2016). Програвшему битву за «вооруженную оппозицию» движению пришлось сделать ставку на свои изначальные позиции и начать действовать более решительно, чтобы не потерять прежнюю силу в глазах своих сторонников. Во время сентябрьского интервью катарскому информационному ресурсу *Al Jazeera* ал-Джулани рассматривал присоединение к режиму примирения как попытку Запада вбить клинья в единый фронт, чтобы спровоцировать его дальнейший раскол. Режим примирения «Ан-Нусра» была склонна называть заговором против сирийской революции, который не приведет ни к чему иному, кроме как к возвращению правления администрации Б. Асада.

Арабская весна и террористическая угроза для России. Угроза терроризма с Ближнего Востока рассматривается во всем мире. В своем выступлении перед международным сообществом на Генеральной Ассамблее ООН в 2014 г. президент США Барак Обама назвал терроризм одной из трех важнейших угроз всему человечеству, наряду с агрессивной политикой России и вспышкой эпидемии лихорадки Эбола в Западной Африке. В 2018 г. президент Дональд Трамп одобрил новую антитеррористическую стратегию

США, направленную на повышение уровня защиты инфраструктуры в США, борьбу с радикализацией и вербовкой террористов, а также укрепление контртеррористического потенциала международных партнеров (The White House 2018). Российские исследователи и политики также обратили внимание на важность борьбы с террористической угрозой с Ближнего Востока. Президент Дмитрий Медведев, открывая заседание Национального антитеррористического комитета во Владикавказе в феврале 2011 г., обратил внимание на опасность революционных процессов на Ближнем Востоке с точки зрения возможного прихода к власти религиозных «фанатиков»:

Посмотрите на ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке и в арабском мире... В ряде случаев речь может пойти о дезинтеграции больших густонаселенных государств, о распаде этих стран на мелкие осколки... А государства эти очень непростые, вполне вероятно, что произойдут сложные события, включая приход фанатиков к власти – это будет означать пожары на десятилетия и распространение экстремизма в дальнейшем, надо смотреть правде в глаза... Такой сценарий они и раньше готовили для нас, а тем более они сейчас будут пытаться его осуществлять – в любом случае этот сценарий не пройдет (Сайт Президента России 2011).

Выступая на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 г., президент Владимир Путин предположил, что именно страны, пострадавшие от Арабской весны, стали основными «поставщиками кадров» для террористических группировок. В своем выступлении в ООН за несколько дней до начала российской военной операции в Сирии Владимир Путин выразил обеспокоенность по поводу распространения террористической угрозы с Ближнего Востока в другие регионы мира, в том числе и в Россию:

Считаем любые попытки заигрывать с террористами, а тем более вооружать их, не просто недальновидными, а пожароопасными. В результате глобальная террористическая угроза может критически возрасти, охватить новые регионы планеты. Тем более что в лагерях «Исламского государства» проходят «обкатку» боевики из многих стран, в том числе из европейских. К сожалению, должен сказать об этом прямо, уважаемые коллеги, и Россия не является здесь исключением.

Нельзя допустить, чтобы эти головорезы, которые уже почувствовали запах крови, потом вернулись к себе домой и там продолжили свое черное дело (Сайт Президента России 2015).

Поскольку иностранное военное присутствие на Ближнем Востоке продолжает расширяться, в научных кругах растет озабоченность по поводу еще одного потенциального всплеска транснациональных террористических нападений (Dugani 2014). Такая научная тревога дала в прошлом реальные политические результаты. Например, президент США Джордж Буш – младший был вынужден изменить свои планы по дальнейшему военному расширению кампании «войны с терроризмом», когда национальные спецслужбы США пришли к выводу, что американское вторжение в Ирак помогло «Аль-Каиде» расширить свою вербовочную сеть по всему миру и повысить ее эффективность (Trends 2011).

События Арабской весны также вызвали широкие научные дискуссии о том, как нестабильность на Ближнем Востоке может спровоцировать всплеск террористической активности в России, особенно в республиках Северного Кавказа. К концу 2010-х гг. этот регион только преодолел очередную волну терроризма. По мнению некоторых экспертов, эти события способны вызвать всплеск экстремистского энтузиазма и тем самым укрепить позиции радикального исламизма в Северной Африке и странах Ближнего Востока, а также в Европе с ее большой мусульманской диаспорой (Плещунов 2012).

По мнению ряда исследователей, после распада Советского Союза у мусульман Средней Азии, Северного Кавказа и, в меньшей степени, Поволжья возник кризис идентичности, и ислам стал одним из важнейших компонентов формирования новой идентичности. Всплеск исламского экстремизма в части этих регионов во многом обусловлен стремлением населения к поиску новой духовности (Наумкин 2006).

Российские исследователи О. А. Колобов и Э. Э. Шульц обратили внимание на связь событий Арабской весны и цветных революций на постсоветском пространстве. По их мнению, цветные революции, к которым типологически относятся события Арабской

весны, шли «по дуге» стран бывшего советского блока: от Сербии до Кавказа, а Арабская весна двигалась «по дуге» от Гибралтара до передней Азии (Колобов, Шульц 2014). Авторы делают вывод, что Россия и страны, уже пострадавшие от цветных революций, были наиболее восприимчивы к негативному влиянию Арабской весны.

Внимание в академических кругах было также уделено террористической угрозе с Ближнего Востока, проникавшей в Россию через Центральную Азию. В докладе Российского института стратегических исследований (РИСИ) сказано, что в постсоветских республиках Центральной Азии в полной мере присутствуют все признаки, приведшие к дестабилизации обстановки в арабских странах в 2011 г. (Супонина 2013). Важной особенностью этих государств является наличие «горючего материала» в виде радикально настроенного мусульманского населения, многие представители которого пополнили ряды экстремистских групп на Ближнем Востоке. Авторы доклада также обратили внимание на то, что принцип «ислам – решение» проявил себя не только во время событий Арабской весны, но и часто проявлялся во время протестов в казахстанском городе Жанаозен в 2011 г. (Там же: 165).

В конечном итоге угроза террористической экспансии с Ближнего Востока в Россию послужила основанием для обращения президента Владимира Путина в Совет Федерации с просьбой использовать российские вооруженные силы для борьбы с ИГ в Сирии.

Ближний Восток как эпицентр террористической угрозы. Как отмечалось выше, распространение террористической угрозы с Ближнего Востока (особенно со стороны ИГ) на другие регионы считалось одной из основных угроз мировому сообществу. Это неудивительно, быстрый рост числа террористических актов во всем мире, зафиксированный после 2010 г., был обусловлен прежде всего взрывным ростом террористической активности в афразийской зоне нестабильности (Рис. 1):

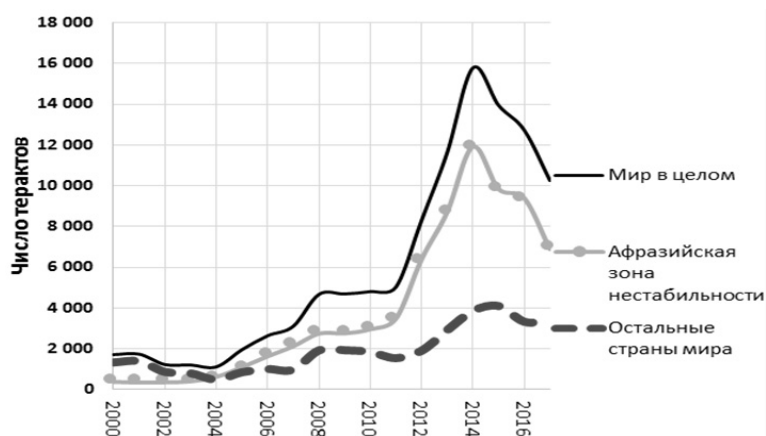

Рис. 1. Динамика числа террористических актов в мире и в афразийской зоне нестабильности, 2000–2017 гг., по данным Глобальной базы данных по терроризму (Global Terrorism Database – GTD) (START 2019)

В то же время на долю афразийской зоны нестабильности после 2010 г. пришлось 73 % всех мировых террористических актов (см. Рис. 2).

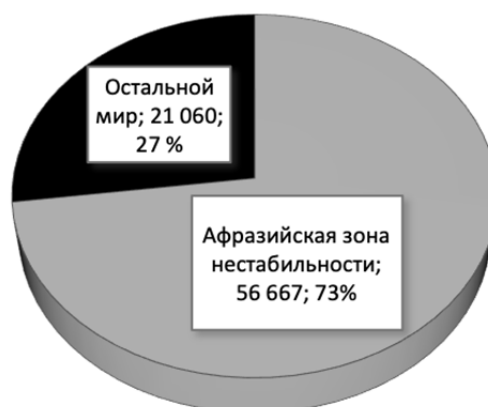

Рис. 2. Распределение общего числа значимых террористических актов, зафиксированных в мире в 2011–2017 гг. по данным Глобальной базы данных по терроризму (Global Terrorism Database – GTD) (START 2019), между странами афразийской зоны нестабильности и остальными странами мира

В свою очередь, быстрый рост числа террористических нападений, зафиксированный в африканской зоне после 2010 г., был обусловлен главным образом взрывным ростом террористической деятельности на Ближнем Востоке (включая Северную Африку) (см. Рис. 3):

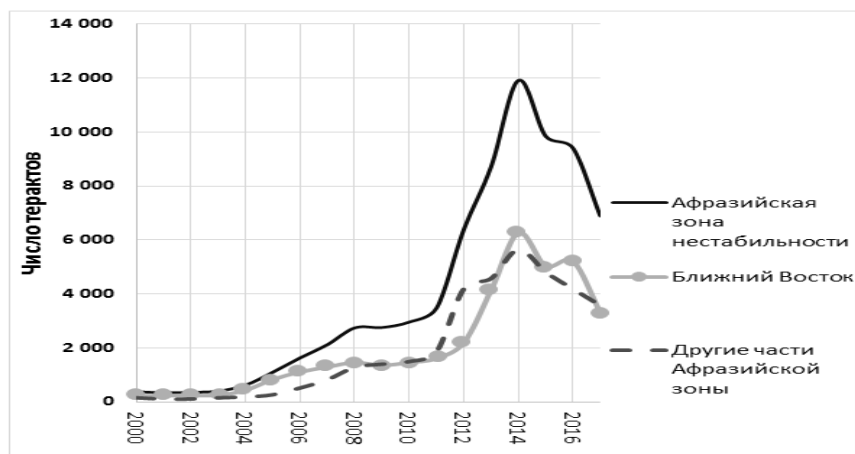

Рис. 3. Динамика числа террористических актов в мир афразийской зоне нестабильности, 2000–2017 гг. (START 2019)

Так, с 2014 по 2016 г., то есть в период наибольшей активности ИГ, на Ближний Восток приходилось более половины всех терактов, совершенных в афразийской зоне нестабильности (см. Рис. 4):

С 2011 г. наблюдается быстрый рост террористической активности на Ближнем Востоке (Рис. 3). Пик активности пришелся на 2014 г., во многом из-за ухудшения ситуации в Сирии и Ираке, а также формирования ИГ на территории этих стран. Примечательно, что к тому времени активность ИГ увеличилась в четыре раза (от 1464 терактов в 2010 г. до 6270 в 2014 г.).

Рис. 4. Распределение общего числа террористических актов, зарегистрированных в африканской зоне в 2014–2016 гг., по данным Глобальной базы данных по терроризму между Ближним Востоком и другими районами африканской зоны нестабильности

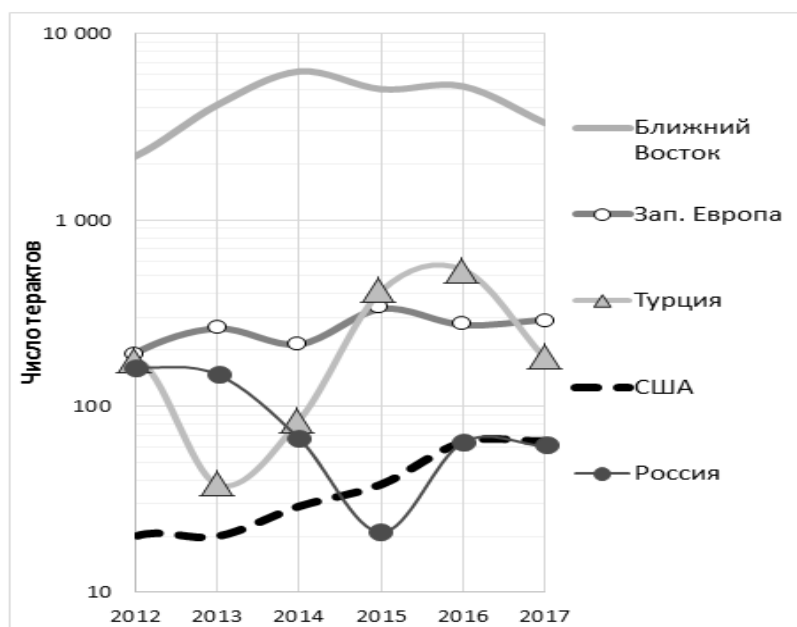

Рис. 5. Динамика числа террористических актов на Ближнем Востоке, в Турции, США, России и ЕС, 2012–2017 гг. (логарифмический масштаб) (START 2019)

После 2014 г. наблюдается некоторое снижение террористической активности на Ближнем Востоке, что во многом связано с некоторой степенью нормализации ситуации в Сирии и Ираке. В то же время с 2015 г. наблюдается всплеск террористической активности в Турции, Западной Европе и России (см. выше Рис. 5), что можно считать «отголоском» ближневосточного терроризма, а также частичный трансфер деятельности террористических структур из стран арабского Ближнего Востока в государства, вступившие в борьбу против ИГ.

Рассмотрим теперь подробнее динамику террористической активности в России (см. Рис. 6):

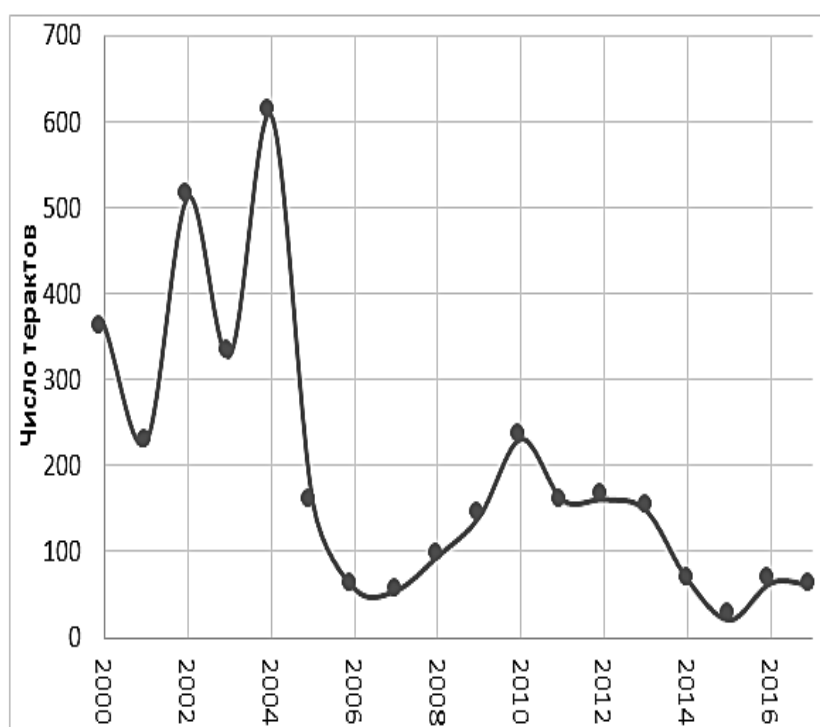

Рис. 6. Динамика числа значительных террористических актов по данным Глобальной базы данных по терроризму (Global Terrorism Database – GTD) в России, 2000–2017 гг.

Как видно из Рис. 6, начало 2000-х гг. характеризовалось высоким уровнем терроризма на Северном Кавказе, что в основном было связано с продолжением второй чеченской войны, экономическим кризисом и идеологическим вакуумом (START 2013; Cohen 2014). Летом 1999 г. вооруженное восстание 1500 исламских радикалов во главе с Шамилем Басаевым, поддерживавшим дагестанское сепаратистское движение, в сочетании с серией взрывов жилых домов в Москве дало российскому правительству повод для перезахвата Чечни. Россия начала широкомасштабную военную операцию с основным политическим фокусом – борьбой с терроризмом (Kramer 2005).

К концу 1999 г. в Чечню были направлены подразделения армии, милиции и силовых структур. Это на несколько лет сохранило статус крупнейшего центра вооруженного насилия в Чечне и поддерживало высокий уровень террористических актов на Северном Кавказе в целом.

Ощутимый рост террористической деятельности произошел в 2002 г. Чеченские боевики захватили заложников мюзикла «Норд-Ост», взорвали грузовики, начиненные взрывчаткой, возле Дома правительства Чечни, и устроили взрывы в Дагестане весной 2002 г.

Как отмечает Ахмет Ярлыкапов, в целом акты насилия, связанные со второй чеченской войной в этот период, относительно стабильно росли и включали в себя угон автобусов, взрывы в жилых домах, общественных зданиях, на улицах и рынках, захват заложников. Террористические акты совершались в Чечне, Дагестане, Ставропольском крае, Владикавказе, Москве и других регионах. Чеченский сепаратизм стал международным исламским террористическим движением, хорошо организованным и хорошо финансируемым (Yarlykarov 2017). Следует отметить, что террористические акты во имя Республики Ичкерия изначально не носили ярко выраженного исламского характера и не были связаны с конкретным исламистским проектом на Северном Кавказе. Однако со временем на Северный Кавказ стали прибывать исламисты со всего мира, были сформированы учебно-образовательные сети с упором на идеологию исламского *джихада* (Yarlykarov 2000).

Спротивление в Чечне было эффективно подавлено в конце первого президентского срока Владимира Путина в 2004 г., но именно в этом году на Северном Кавказе произошел беспрецедент-

ный всплеск террористической активности, включая взрыв в Грозном, в результате которого погиб Ахмад Кадыров, захват заложников в школе в Беслане (Ваев 2018), взрыв бомбы на рынке в Самаре, подрыв смертниц на двух гражданских самолетах, а также взрыв в Москве возле станции метро «Рижская».

Волна терроризма начала 2000-х гг., о которой говорилось выше, начала снижаться после теракта в Нальчике осенью 2005 г. и последующего убийства лидера террористов Шамиля Басаева летом 2006 г. (Kramer 2005). Число людей, убитых террористами-смертниками в 2004 г., составило 140 человек, а в 2006 г. снизилось до нуля, оставаясь (с незначительными колебаниями) на том же уровне в 2007 г. Однако, как отметил эксперт в области международной безопасности Центра Белфера при Гарвардском университете Симон Сараджян, после определенного периода затишья терроризм вернулся на территорию России, в основном в республики Северного Кавказа. Логика эскалации и соперничества между лидерами террористических сетей в этом регионе неразрывно связана с внешнеполитическими решениями руководства страны, а также с динамикой насилия на Большом Ближнем Востоке (Saradzhyan 2020). В конце 2000-х гг. количество террористических актов на Северном Кавказе существенно возросло (*Ibid.*).

Важной тенденцией в этот период была переориентация террористических нападений с военных и правоохранительных органов на гражданских лиц. Наиболее яркими примерами здесь являются теракт в аэропорту «Домодедово» и взрывы в московском метро. Важное значение имеет расширение географии террористических актов за пределы Северного Кавказа, которое не наблюдалось с августа 2004 г.

Наиболее яркий сдвиг в направлении терактов проявился в действиях исламистского образования «Имарат Кавказ»⁸, основанного в октябре 2007 г. Доку Умаровым с целью создания исламского эмирата на Северном Кавказе. Появление этой структуры ознаменовало формализацию исламистского подполья на базе чеченского националистического движения. Несмотря на то, что боевики этой организации в различных регионах изначально преследовали раз-

⁸ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

ные цели и уделяли особое внимание борьбе с коррумпированными полицейскими, со временем возникла идея борьбы с «неверными» и создания исламского государства на Северном Кавказе (Saradzhyan 2020).

Эксперты, изучающие динамику терактов на Северном Кавказе, сходятся во мнении, что 2009 г. стал своеобразной границей, после чего началась активизация террористической деятельности. Эта тенденция во многом связана с отменой контртеррористической операции в Чечне, а также с последствиями резкого экономического спада. Рост числа исламистских группировок можно связать с распространением административной коррупции на фоне уменьшения федерального бюджета (Баев 2011). В 2010 г. этот тренд усилился, в Дагестане заметно увеличилось число терактов, и терроризм снова вышел за пределы Чечни и Ингушетии, ставших его эпицентрами (Баев 2011).

В целом, что касается России и, в частности, Северного Кавказа, то до 2015 г. наблюдалось заметное снижение террористической активности. Созданный в 2007 г. «Имарат Кавказ» просуществовал недолго: ослабление его позиций на Северном Кавказе в 2012–2013 гг. было связано с оттоком боевиков в Сирию (Кавказский узел 2016). Кроме того, в сентябре 2013 г. лидер движения Доку Умаров был ликвидирован, а в 2015 г. были убиты последние лидеры этой сети, Алиасхаб Кебеков и Магомед Сулейманов, что можно считать фактическим прекращением деятельности «Имарата». В конце 2014 г. Национальный антитеррористический комитет даже выступил с заявлением о практически полной ликвидации террористического подполья, и это стало периодом общего снижения числа жертв терактов (Эхо Кавказа 2014). Однако следует отметить, что «Имарат Кавказ» уступил место филиалу ИГ на Северном Кавказе – «Вилаят Кавказ» (Joscelyn 2015), деятельность которого связана с нападением на российскую военную базу на юге Дагестана в 2015 г., обстрелом туристов в Дербентской крепости Нарын-Кала в декабре того же года, а также рядом терактов в последующие годы. Примечательно также, что в видеоматериале, выпущенном лидером боевиков после нападения на российскую военную базу, содержится призыв к борьбе внутри Северного Кавказа, а не к присоединению к идущей войне в Сирии или Ираке (Paraszczuk 2015).

Начиная с 2016 г. Россия вновь столкнулась с растущей террористической угрозой (Рис. 6). 30 сентября 2015 г. президент Владимир Путин объявил о начале операции российских военно-космических сил (ВКС) в Сирии. Если в первые месяцы этой операции действия России были направлены в первую очередь не против ИГ, а против несистемной оппозиции, которая представляла наибольшую угрозу для Башара Асада, то с 2016 г. российские ВКС начали проводить операции против самого ИГ. В частности, в марте 2016 г. при активном участии российских ВКС от боевиков ИГ был освобожден город Пальмира (UN News 2016).

Участие России в войне в Сирии не осталось без ответа со стороны террористических группировок. В декабре 2015 г. на портале медицентра «Аль-Хаят» появилось пятиминутное видео с угрозами в адрес российских граждан, в котором публикуются обращения боевиков ИГ. Видео содержало экстремистское содержание, записанное на русском языке, выбор, очевидно, был направлен на соответствующую «целевую аудиторию» (Коммерсант 2015б). В конце декабря Абу Бакр ал-Багдади опубликовал обращение, содержащее открытые угрозы в адрес России, США и Израиля, подчеркнув при этом, что нападения на ИГ не причинили существенного вреда террористам, а лишь укрепили ряды организации (Коммерсант 2015а).

Помимо местного вооруженного сопротивления, в 2016–2017 гг. произошли несколько громких террористических актов, мотивированных участием Российской Федерации в войне в Сирии (Pinchuk 2017). Примером может служить убийство российского посла в Турции Андрея Карлова в декабре 2016 г. Как утверждает, это было ответной реакцией на удары российской авиации по ИГ в боях под Алеппо. А в апреле 2017 г. гражданин России чеченского происхождения, воевавший на стороне ИГ в Сирии, совершил теракт в вагоне петербургского метро, в котором пострадали десятки человек.

Летом 2016 г. члены ИГ опубликовали девятиминутное видео, в котором они призвали своих последователей начать *джихад* в России и пригрозили убить президента России Владимира Путина (Известия 2016а). В то же время на встрече в Санкт-Петербурге глава ФСБ России Александр Бортников объявил о планах осу-

шествления терактов в России боевиками, находящимися за рубежом, и отметил большую угрозу всплеска террористической активности в России со стороны многих боевиков-террористов, возвращающихся с Ближнего Востока (Известия 2016б).

Эти угрозы в адрес России со стороны лидеров ИГ не были полностью необоснованными. К 2015 г. многие лидеры террористического подполья на Северном Кавказе присягли в верности лидеру ИГ Абу Бакру ал-Багдади и требовали, чтобы все остальные боевики последовали их примеру (MKRU 2015). Одним из таких лидеров был глава «Вилаят Кавказа» Рустам Асельдеров, ранее возглавлявший подполье «Имарат Кавказ» в Дагестане. Члены «Имарат Кавказ» неслучайно присоединились к ИГ: в конце июня 2014 г., сразу после объявления себя «халифом», Абу Бакр назвал Россию и США главными врагами исламского мира. Кроме того, русский язык был одним из трех самых популярных языков пропаганды ИГ (Васильев и др. 2018).

Более чем трехкратный всплеск террористической активности в России в 2016 г. (Рис. 6) фактически стал воплощением угроз России со стороны лидеров ИГ. Большинство терактов были совершены в Северо-Кавказском регионе, и ИГ взяло на себя ответственность за большинство них. В этом контексте следует понимать, что к моменту начала российской кампании в Сирии осенью 2015 г. к ИГ уже присоединились тысячи мусульман из Северного Кавказа. Этому способствовали устоявшиеся идеологические, финансовые и цифровые механизмы вербовки новых боевиков через определенные группы и блоги в социальных сетях. Естественно, для России эта угроза казалась существенной, и, как отмечает Максим Сучков, она стала одной из причин вмешательства России в сирийский конфликт (Suchkov 2019). После того, как российские власти объявили об окончании кампании в Сирии, Национальный антитеррористический комитет заявил о том, что количество зарегистрированных терактов начало существенно сокращаться (с 15 в 2017 г. до 6 в 2018 г. и до 2 в 2019 г.) (Версия 2019). В декабре 2017 г. Александр Бортников объявил о практически полной ликвидации террористического подполья на Северном Кавказе (ТАСС 2017).

Эти тенденции частично подтверждаются статистикой «Кавказского узла»: с 2010 по 2017 г. зафиксировано устойчивое снижение числа жертв террора (как убитых, так и раненых)⁹. Наиболее существенное снижение наблюдалось в 2013 г., что объясняется оттоком боевиков в Сирию. На протяжении всего рассматриваемого периода наибольшее количество жертв терактов зафиксировано в Дагестане и Чечне, и некоторые эксперты отмечают, что ситуация в Дагестане, а именно отказ от стратегии «мягкой силы» по налаживанию диалога с различными слоями общества и адаптационных программ боевиков, также могла бы спровоцировать рост числа терактов в 2016 г. (Кавказский узел 2018; Шведов, Малашенко 2012). В целом сокращение социальных программ адаптации боевиков рассматривается как фактор активизации террористической деятельности в 2018–2019 гг., в том числе в таких регионах, как Кабардино-Балкария (Кавказский узел 2019).

В 2018 г. число жертв конфликтов сократилось на 38 % по сравнению с предыдущим годом, однако увеличилось число нападений в Кабардино-Балкарии и Ставропольском крае (Caucasian Knot 2018). Значительное снижение этого показателя, по данным Джеймстаунского фонда, наблюдалось и в 2019 г.: со 110 убитых и раненых в 2018 г. до 46 в 2019 г. (Jamestown Foundation 2020). Кроме того, наблюдалась устойчивая тенденция увеличения численности и омоложения вооруженного подполья, в частности чеченского. Например, статистика количества убитых и раненых боевиками в ходе столкновений с сотрудниками силовых структур во время террористических актов в период 2015–2018 гг. свидетельствует о том, что большинство из них составляли молодые люди в возрасте до 35 лет, а в некоторых случаях в ряды террористов вербовались и дети. Эта тенденция может быть также следствием использования новейших коммуникационных и социальных медиа экстремистскими организациями, в том числе на Ближнем Востоке, для вербовки этого сегмента их потенциальных последователей.

⁹ Резкий скачок этого показателя в 2016 г. можно объяснить активизацией группировки «Вилаят Кавказ».

* * *

Итак, проведенный нами анализ показывает, что «расползание» терроризма с Ближнего Востока после начала Арабской весны затронуло в непосредственной степени и Россию. В то же самое время операция российских ВКС в Сирии наряду с действиями международной антитеррористической коалиции привели к исчезновению «Исламского государства» как квазигосударственного образования, контролирующего целые провинции Сирии и Ирака. Тем не менее уровень террористической активности в регионе остается очень высоким, что требует выработки рекомендаций по способам противодействия террористической угрозе, исходящей из афразийской макрзоны нестабильности.

Во-первых, учитывая факт уничтожения ИГ и заметного ослабления иных террористических группировок на территории Ближнего Востока, представляется целесообразным существенно сократить российский военный контингент в Сирии, с целью не повторить опыта иных стран – реципиентов ближневосточной террористической активности (Турции, ЕС, США и др.).

Во-вторых, ввиду того, что, по оценкам российских спецслужб, основными агентами «расползания» террористической угрозы с Ближнего Востока по направлению к России являются бывшие боевики российского происхождения, представляется необходимым настаивать на том, чтобы вышеуказанные лица понесли наказание за преступления, совершенные на территории Сирии и Ирака, в соответствии с законами этих стран.

В-третьих, ввиду того, что нет никаких оснований для новых всплесков террористической активности в регионе Ближнего Востока, необходимо предпринять превентивные меры по предотвращению новых волн «вооруженного туризма» с республик Северного Кавказа. Для этого требуется проведение на федеральном уровне медиакампаний против «вооруженного туризма» с разъяснением его полной бесперспективности для его участников.

В-четвертых, учитывая высокий спрос на исламское образование в республиках Северного Кавказа и высокую вероятность того, что существующие там негосударственные исламские высшие учебные заведения могут попасть в финансовую и идеологическую

зависимость от ближневосточных спонсоров, необходимо интегрировать исламские учебные заведения в российскую государственную образовательную систему. Данный процесс должен происходить с параллельным изменением государственных стандартов, позволяющих выпускникам исламских вузов получать дипломы государственного образца.

В-пятых, принимая во внимание рост исламского самосознания в республиках Северного Кавказа, представляется актуальным принятие превентивных мер по обеспечению мечетей подконтрольными муфтиятам имамами, а также медресе и иных исламских учебных заведений профессорско-преподавательским составом, имеющим адекватную квалификацию.

Библиография

- Аз-Завахири А. 2017.** Аш-Шам лян тарка‘ илля ли-ллах (Левант преклонится только перед Аллахом). *Ас-Сахаб лил-Интадж ал-Ислями*. URL: <http://www.jihadica.com/wp-content/uploads/2017/05/Al-Sham-lan-tarka-illa-lillah.pdf>.
- Ас-Сури Абу Мусаб 1991.** Муляхазат хауля ат-гаджиба ал-джихадийа фи Сурийа (Замечания по поводу опыта джихада в Сирии). URL: <https://homsrevolution.files.wordpress.com/2011/10/d985d984d8a7d8add8b8d8a7d8aad8add988d984d8a7d984d8aad8acd8b1d8a8d8a9d8a7d984d8acd987d8a7d8afd98ad8a9-d981d98a-d8b3d988d8b1d98ad8a7.pdf>.
- Ас-Сури Абу Мусаб. 2004.** *Да‘ват ал-Мукавама ал-Ислямийа ал-Алямийа (Призыв к мировому исламскому сопротивлению)*. Б. м.
- Баев П. 2011.** Особенности и эволюция терроризма на Северном Кавказе. *Центр Россия/ННГ*. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifripavelbaevterrorismerusioul2011.pdf>.
- Вайс М., Хасан Х. 2016.** *Исламское государство: Армия террора*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Васильев А. М., Исаев Л. М., Кортаев А. В., Шишкина А. Р. 2018.** Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности. *Азия и Африка сегодня* 12: 3–10.
- Версия 2019.** Глава ФСБ рассказал о предотвращении 15 терактов на Северном Кавказе. *Версия* 8 октября. URL: <https://versia.ru/glava-fsb-rasskazal-o-predotvrashhenii-15-teraktov-na-severnom-kavkaze>.

- Гринин Л. Е. 2020.** Революции как фактор дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы в XXI столетии и афразийская макрозона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 146–180.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р. 2014.** Риски дестабилизации в контексте нарастающей неопределенности в «афразийской» зоне. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 5 / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 4–10.
- Добров Д. 2014.** ИГИЛ превращается в «халифат». *ИноСМИ* 1 сентября. URL: <http://inosmi.ru/world/20140901/222732152.html>.
- Доклад ООН 2016.** Доклад Генерального секретаря об угрозе для международного мира и безопасности, которую создает ИГИЛ (ДАИШ), и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой. *The United Nations*. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/92&Lang=R.
- Известия 2016а.** Боевики ИГ записали видео с угрозами в адрес России. *Известия* 1 августа. URL: <https://iz.ru/news/624777>.
- Известия 2016б.** ФСБ: главари банд на Ближнем Востоке готовят банд-подполье на Кавказе. *Известия* 27 июля. URL: <https://iz.ru/news/624081>.
- Йылдызоглу Э. 2014.** Когда рухнет порядок на Ближнем Востоке. *Cumhuriyet* 24 ноября. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/148465/Ortadogu_Duzeni_Cokerken...html.
- Кавказский узел 2016.** МВД: до 3,5 тысячи россиян воюют за боевиков в Сирии и Ираке. *Кавказский узел* 17 марта. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/279282/>.
- Кавказский узел 2019.** Закрытие программ по адаптации усилило угрозу активизации боевиков на Северном Кавказе. *Кавказский узел* 4 июля. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/337437/>.
- Колобов О. А., Шульц Э. Э. 2014.** «Арабская весна»: возможные последствия для России. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность* 9(246): 41–49.

- Коммерсант 2015а.** «Исламское государство» выступило с угрозами в адрес России, Европы, США и Израиля. *Коммерсант* 26 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2887388>.
- Коммерсант. 2015б.** «Исламское государство» угрожает терактами в России. *Коммерсант* 12 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2852083>.
- Коротаев, А. В., Исаев, Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: Ленанд/URSS. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 5 / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 180–207.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность* 2: 88–99.
- Наумкин В. В. 2006.** Исламский радикализм в зеркале новых концепций. *Россия и мусульманский мир* 1: 5–24.
- Ормеджи О. 2014.** Что такое ИГИЛ и чего оно хочет? *Newtimes.az* 12 сентября. URL: <http://newtimes.az/az/politics/3004#.VBbZRRbP45Q>.
- Плецунов Ф. О. 2012.** О роли джихадистов в сирийском оппозиционном движении. *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15729>.
- Сайт Президента России. 2011.** Дмитрий Медведев провел во Владикавказе заседание Национального антитеррористического комитета. *Сайт Президента России* 22 февраля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/10408> (дата обращения: 16.05.2020).
- Сайт Президента России. 2015.** Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. *Сайт Президента России*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.
- Супонина Е. В. 2013.** «Арабская весна»: последствия для России и мира. *Россия и мусульманский мир* 8(254): 145–165.
- ТАСС 2017.** ФСБ: бандподполье на Северном Кавказе практически полностью ликвидировано. *ТАСС* 19 декабря. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/4825781>.

- Шведов Г., Малашенко А. 2012.** Северный Кавказ: итоги 2011 года. *Московский центр Карнеги* 19 марта. URL: <https://carnegie.ru/2012/03/19/ru-event-3667>.
- Шлыков П. В. 2016.** «Исламское государство» как вызов нормативности западной модели общественного и государственного устройства. *Urgent Problems of Europe* 3: 38–39.
- Эхо Кавказа. 2014.** Террористическое бандподполье в России практически разгромлено. *Эхо Кавказа* 16 декабря. URL: <https://www.ekho-kavkaza.com/a/26746422.html>.
- Al-Khalidi S. 2016.** Sheikh Abu al Faraj al Masri: Leading Jihadist Killed in US Air Strike in Syria. *The Independent* October 4. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/sheikh-abu-al-faraj-al-masri-al-nusra-al-qaeda-jihadist-us-air-strike-syria-a7343956.html>.
- Al-Tamimi A.J. 2016.** The Fitna in Deraa and the Islamic State Angle. *Jihadology* March 26. URL: <http://www.aymennjawad.org/18648/the-fitna-in-deraa-and-the-islamic-state-angle>.
- ARA News. 2014.** Al-Qaeda Defeats Syrian Moderate Rebels in Idlib. *ARA News* November 2. URL: <http://aranews.net/2014/11/al-qaeda-defeats-syrian-moderate-rebels-idlib/>.
- Baev P. 2018.** From Chechnya to Syria: The Evolution of Russia's Counter-Terrorist Policy. *Notes de l'Ifri. Russie.Nei.Visions* 107. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/baev_counter_terrorist_policy_2018.pdf.
- BBC News. 2015.** Syrian Islamist Rebels' Seize Ariha in Idlib Province'. *BBC News* May 28. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-32924268>.
- Caucasian Knot 2018.** In 2018, the Count of Conflict Victims in Northern Caucasus dropped by 38 %. *Caucasian Knot*. URL: https://www.eng.kavkaz-uzel.eu/articles/reduction_number_victims_2018/#i2.
- Cohen A. 2014.** Russia's Counterinsurgency in North Caucasus: Performance and Consequences: the Strategic Threat of Religious Extremism and Moscow's Response. Strategic Studies Institute and US Army War College Press.
- Durani L. 2014.** The Cause of Terrorism. *Foreign Policy Journal* November 7. URL: <https://www.foreignpolicyjournal.com/2014/11/07/the-cause-of-terrorism/>.
- Gordon M. R., Barnard A. 2012.** U.S. Places Militant Syrian Rebel Group on List of Terrorist Organizations. *The New York Times* December 10. URL:

- <http://www.nytimes.com/2012/12/11/world/middleeast/us-designates-syrian-al-nusra-front-as-terrorist-group.html>.
- ISI Confirms 2013.** That Jabhat Al-Nusra Is Its Extension in Syria, Declares 'Islamic State of Iraq And Al-Sham' As New Name of Merged Group. *MEMRI* April 8. URL: <http://www.memri.org/report/en/0/0/0/0/0/7119.htm>.
- Joscelyn T. 2015.** Islamic State's Caucasus 'Province' Claims First Official Attack on Russian Forces. *FDD's Long War Journal* September 2. URL: <https://www.longwarjournal.org/archives/2015/09/islamic-states-caucasus-province-claims-first-official-attack-on-russian-forces.php>.
- Korotayev A., Issaev L., Rudenko M., Shishkina A., Ivanov E. 2016.** Afrasian Instability Zone and its Historical Background. *Social Evolution & History* 15(2): 120–140.
- Kramer M. 2005.** The Perils of Counterinsurgency: Russia's War in Chechnya. *International Security* 29(3): 5–63.
- Lister Ch. 2016.** Profiling Jabhat an-Nusra. Brookings Institution. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/iwr_20160728_profiling_nusra.pdf
- Lister Ch. 2017.** Al-Qaeda's Turning Against its Syrian Affiliate. *Middle East Institute* May 18. URL: <http://www.mei.edu/content/article/al-qaeda-s-turning-against-its-syrian-affiliate>.
- McCants W. 2015.** *The ISIS Apocalypse: The History, Strategy and Doomsday Vision of the Islamic State*. New York: St. Martin Press.
- Messner J. 2019.** Fragility in the World 2019. *Fragile State Index*. URL: <https://fragilestatesindex.org/>.
- Mickolus M. 2016.** *Terrorism Worldwide*. Jefferson, North Carolina; McFarland&Company Inc.
- Milan C. 2014.** Jabhat an-Nusra Eyes Idlib for Islamic Emirate. *Al-Monitor* November 13. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/11/jabhat-al-nusra-idlib-islamic-emirate.html>.
- MKRU 2015.** ИГИЛ угрожает России: чего ждать от террористов, которые вернутся на Кавказ. *MKRU* October 29. URL: <https://www.mk.ru/politics/2015/10/29/igil-ugrozhaet-rossii-chego-zhdet-ot-terroristov-kotorye-vernutsya-na-kavkaz.html>.
- Paraszczuk J. 2015.** IS's North Caucasus Affiliate Calls For Recruits To Join It In Daghestan. *RadioFreeEurope* October 3. URL: <https://www.rferl.org/a/islamic-state-north-caucasus-affiliate-call-for-recruits-daghestan/27285024.html>.

- Pinchuk D. 2017.** Eleven Killed in Suspected Suicide Bombing on Russian metro train. *Reuters* April 3. URL: <https://www.reuters.com/article/us-russia-blast-metro/eleven-killed-in-suspected-suicide-bombing-on-russian-metro-train-idUSKBN17519G>.
- Roggio B. 2012.** Al-Nusrah Front claims yet another suicide in attack Syria. *FDD's Long War Journal* December 4. URL: http://www.longwarjournal.org/archives/2012/12/al_nusrah_front_clai_9.php.
- Saradzhyan S. 2020.** Russia's North Caucasus, The Terrorism Revival. *Belfer Center* December 23. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/russias-north-caucasus-terrorism-revival>.
- START 2013.** Terrorism and the North Caucasus: An Overview. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. *START*. June 1. URL: https://www.start.umd.edu/sites/default/files/files/publications/br/STARTBackgroundReport_TerrorismAndNorthCaucasus_April2013.pdf.
- START 2019.** *Global Terrorism Database*. College Park, MD: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/>.
- Suchkov M. 2019.** Russia's Quest for Security: The North Caucasus-Syria Link. *ISPI (Istituto per gli Studi di Politica Internazionale)* November 4. URL: <https://www.ispionline.it/it/publicazione/russias-quest-security-north-caucasus-syria-link-24318#n1>.
- The White House. 2018.** President Donald J. Trump Is Protecting the United States from Terrorism. *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-protecting-america-terrorism>.
- Trends in Global Terrorism: Implications for the United States. 2011.** *National Intelligence Estimate*. URL: <https://www.governmentattic.org/5docs/NIE-2006-02R.pdf>.
- UN News. 2016.** UNESCO Chief Welcomes the Liberation of Syria's Palmyra World Heritage Site. *UN News* October 10. URL: <https://news.un.org/en/story/2016/03/525312-unesco-chief-welcomes-liberation-syrias-palmyra-world-heritage-site>.
- Wood G. 2015.** What ISIS Really Wants. *The Atlantic* February 21. URL: <http://www.theatlantic.com/features/archive/2015/02/what-isis-really-wants/384980/>.
- Yarlykapov A. A. 2017.** Terrorism in the North Caucasus. *DOC Research Institute* March 23. URL: <https://doc-research.org/2017/03/terrorism-north-caucasus/>.

- Yarlykapov A. A. 2000.** Records of a Warrior Trained in the Kadarsky Zone: Wahhabi's Credo. *Eurasian Herald* 3(10): 114–137.
- Younes A. 2015.** Al-Nusra Front's Jolani Speaks to Media. *Al-Jazeera* September 12. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2015/12/al-nusra-front-release-jolani-press-conference-151211125432852.html>.
- Youtube 2013.** Лика' ал-Йаум. Хасан Абуд. Харакат Ахрар аш-Шам ал-Исламийя (Встреча сегодня. Хасан Абуд. Исламское движение освобождения Леванта). *Ал-Джахура* 9 июня. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vEFRdEPeE74>.